

Приятно отметить небольшую, но хорошо написанную статью Л. Мандоки о названиях звезд, преимущественно у алтайских народов. Автор приходит к выводу, что тюркский термин, обозначающий Венеру, очень древнего происхождения и восходит к общеалтайскому корню. С этим можно связать то значение, которое Венера играла в религиозных представлениях алтайских народов.

В целом «Народные верования и фольклорные традиции Сибири» — превосходная книга, которая, надо думать, прочно займет место в основном фонде этнографической литературы. Можно лишь пожелать, чтобы за этим томом последовали и другие.

В. Н. Чернецов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

H. P. Phillips. *Thai peasant personality. The patterning of interpersonal behavior in the village of Bang Chan*. Berkeley and Los Angeles, 1966, 231 p.

В 1966 г. вторым изданием (первое издание вышло в 1965 г.) Калифорнийский университет выпустил книгу американского этнографа — сотрудника департамента антропологии этого университета Герберта П. Филлипса «Личность тайского крестьянина». Это первое монографическое исследование по психологии тай Таиланда.

Хотя автор касается вопросов, относящихся к области психологии, и применяет методику, принятую у ряда американских психологов, однако главной своей задачей он считает углубленное этнографическое изучение тайского общества.

Для составления программы исследования и интерпретации собранного материала, относящегося к психологии тайского крестьянина, автору был необходим достаточно большой этнографический материал. Выбор Филлипса не случайно пал на жителей деревни Банчан: ни одна из деревень Таиланда не привлекала к себе такого пристального внимания со стороны этнографов, как Банчан. Здесь в течение ряда лет работала группа ученых из Корнельского университета, опубликовавших несколько солидных этнографических работ о банчанцах. Сам Филлипс провел в Банчане 22 месяца (начиная с зимы 1956 г.) и помимо личных наблюдений получил данные опроса 111 информаторов — жителей этой деревни.

Филлипс не задавался целью дать полную характеристику психологии тайских крестьян, он ограничил свою задачу рассмотрением типичных черт психики жителей деревни Банчан, проявляющихся в сфере их взаимоотношений. Большое внимание уделено в книге Филлипса вопросам теории и методики кросс-культурных исследований (т. е. таких исследований элементов культуры конкретного народа, которые позволяют сравнивать их с подобными элементами культуры любого другого народа).

В первой главе (стр. 14—38) приводятся сведения о Банчане. Эта деревня расположена в 31 км к северо-востоку от Бангкока. В административном отношении Банчан не представляет собой единого целого: он состоит из семи поселков (мубан), входящих в две общины (тамбон), попавшие в два разных района провинции Пранакон. Населяющие его 1776 чел. (по переписи 1956 г.) считают себя односельчанами из-за наличия одного монастыря и школы. Во всех отношениях — по образу жизни, социальной структуре, религиозной практике, идеологическим и эстетическим установкам жители Банчана не отличаются от жителей тысяч других тайских деревень Центрального Таиланда.

Во второй главе (стр. 39—95) дается описание психических черт тайских крестьян, определяющих характер их отношений друг с другом. Эта глава написана на основе данных, извлеченных из литературы о тай и проверенных личными наблюдениями Филлипса в Банчане.

Филлипс считает, что тай следуют заповеди «избегай открытого конфликта» и стремятся извлечь из социальных контактов как можно больше удовольствия. По мнению автора, критерием ценности той или иной деятельности в глазах тай является возможность, занимаясь ею, «отвести душу» (к таким видам деятельности они относят сбор урожая в группе взаимопомощи, участие в различного рода обрядах и т. п.).

Находясь в Банчане, Филлипс размышлял над характеристикой тайского общества, данной Ф. Эмбри, и в результате своих наблюдений за отношениями банчанцев полностью с нею согласился. «Первое, что отличает тайскую культуру от Запада или Японии и Вьетнама, — писал в 1950 г. Эмбри, — это индивидуалистичное поведение людей. Чем дольше живешь в Таиланде, тем больше поражаешься полному и безусловному отсутствию регулярности, дисциплины, регламентации в тайской жизни. В отличие от Японии, Таиланду не хватает точности и дисциплины, в отличие от американцев, тай не доставляет уважения к порядку, чувства времени... Даже, признавая те или иные обязательства, тай не допускают чрезмерной перегрузки ими человека. Тай относятся свободно к принятым ими обязательствам и поступают по собственному усмотрению, а не под давлением общественного мнения»¹.

¹ F. Embury, Thailand — a loosely structured social system, «American Anthropologist», vol. 52, 1950, p. 182.

Филлип попытался разобраться в причинах отсутствия жесткой регламентации в общественной практике тай. Проанализировав отношения внутри семьи, он пришел к выводу, что уже на этом уровне проявляется индивидуалистичность тай, отсутствие духа сплоченности. Никакие ритуалы не призваны подчеркивать святость семьи как социальной единицы. Все афоризмы относительно семейных отношений касаются лишь двусторонних отношений между индивидами. Ничего священного, по мнению Филлипса, нет для банчанцев в узах, связывающих мужа и жену, родителей и детей (в случае нужды они могут быть расторгнуты, а дети отданы в другую семью).

Источники «вольных» отношений между членами тайского общества Филлипс видит в том предпочтении, которое они как буддисты отдают своей индивидуальности, а также убежденности, что главным авторитетом для человека является он сам. Другие люди нужны ему лишь для более легкого достижения своих целей. На этом, считает Филлипс, и держится «гладкое» действие социальной системы тай.

В последующих главах автор пытается проверить с помощью техники психологических тестов устанавливаемые им на основе этнографических описаний и своих полевых наблюдений типичные черты психики тайского крестьянина.

Тест на «завершение фразы» используется как способ сбора сведений о психических состояниях личности, который якобы помогает преодолеть неловкость, испытываемую, как правило, индивидом при попытке постороннего человека проникнуть в его внутренний мир. Он основан на том, что человеку предлагается закончить начатую фразу (как оказывается, человек делает это с легкостью, испытывая почти потребность в завершении начатой мысли) и тем самым ответить на замаскированный вопрос. Филлипс, в полном упоении от этого метода, заявляет, что им можно исследовать все — «от капусты до королей» (стр. 128). В своей книге он применил этот универсальный, по его мнению, инструмент для выявления важнейших моментов психологии тайских крестьян и установления тем самым культурной специфики тай.

Этим методом удается, по его убеждению, фиксировать реакцию информаторов на воображаемые ситуации, их предрасположение к тем или иным действиям, но не буквальное описание их образа действий в реальной жизни.

Всего было подготовлено 144 вопроса и информаторы были разбиты на две группы, каждой из которых предлагалось ответить на 72 вопроса. Вопросы касались наиболее важных, с точки зрения Филлипса, явлений в психической жизни большинства тай: агрессивность, предрасположение к зависимости и отношение к авторитету. Все вопросы были разделены на легкие, которые задавались в начале и конце интервью, и трудные, которые задавались в середине.

Ради экономии времени Филлипс набрал информаторов из числа жителей, проживающих только в двух (из семи) поселках, входящих в Банчан. Всего было приглашено 111 информаторов, относящихся к различным по возрасту, полу, религии, социальному положению группам населения. Методом случайной выборки было отобрано 64 % информаторов, остальные были отобраны «долевым» методом — так появились среди информаторов монахи (семь человек), учителя (двое), бывшие военнослужащие.

Признавая, что между индивидами могут быть достаточно большие различия, автор не рассматривает их, чтобы не отвлекаться от главной задачи — выяснения культурного типа тай. Это обязывает его к исследованию (и объяснению психологического подтекста) ответов всех информаторов на каждый пункт программы (а не каждого информатора по всем пунктам).

Филлипс отмечает, что большинство исследований национального характера основано на допущении психологического единообразия в рамках одной культуры, т. е. априори принимается положение, которое фактически нуждается в доказательстве. Считаая такой подход слишком упрощенным, Филлипс предостерегает и от другой крайности — преувеличения разнообразия психологических моделей у представителей одного народа. Истина, по его мнению, посередине — имеются как сферы психикокультурных проявлений с высокой степенью однородности, так и сферы с высокой степенью разнородности. Задача исследователя — определить эти сферы.

Результаты анализа каждого пункта программы опроса излагаются Филлипсом в виде таблицы с указанием числа и содержания полученных ответов и процентного соотношения разных ответов.

Глава V (стр. 143—199) содержит 29 таких таблиц и комментарии к ним. К теме «Отношение к авторитету» относится несколько таблиц, в которых приводятся окончания фраз следующего содержания: «Когда вышестоящее лицо сказало ему: Сделай это, он...»; «Если отданное вышестоящим приказание неверно, он...»; «Лучший способ обращения с подчиненным — это...». Обобщая данные таблиц, Филлипс приходит к выводу, что в области «отношения к авторитету» ярко проявляется психическая однородность информаторов.

«Предрасположение к зависимости» — так называется следующий раздел программы (стр. 156—165). Банчанцы, по данным Филлипса, принимают как должное то, что всякий контакт между людьми имеет обязательно двусторонний характер, являясь своего рода контрактом между независимыми лицами, отношения же зависимости — частный случай его. Автор сомневается в том, что банчанцы могут разделять западное представление о негативных сторонах зависимости. Это не означает, однако, по его мнению, что банчанцы вовсе не признают зависимости. Повиновение старшему дер-

жится на добровольном признании своей зависимости от него. Эту зависимость низший по положению воспринимает как двусторонние отношения между собой и высшим. Зависимый остается зависимым только до тех пор, пока это удовлетворяет его запросы. Таким образом, в действительности «высший» оказывается зависимым от «нижнего».

Для выяснения отношения к родителям (являющегося, по мысли Филлипа, концентрированным проявлением «зависимости») были заданы вопросы: «Когда он думает о своей матери, он думает о...» (табл. 8, стр. 157) и то же об отце (табл. 9, стр. 158). Ответы показали, что почти все банчанцы думают о той пользе, которую родители приносят своим детям, и долге детей по отношению к ним.

Ряд вопросов касался качеств, которыми должен обладать близкий друг (табл. 10, стр. 160); реакции на дурные речи со стороны того, кого считали другом (табл. 11, стр. 161), на антипатию со стороны окружающих.

Следующий раздел программы — «Ориентация на других» (стр. 165—174) предполагал выяснить представление жителей Банчана о желательной форме отношений между людьми. В главе II автор уже касался этой темы, но то были результаты наблюдений со стороны, и важно было выяснить путем сравнения с опросными данными, насколько правильно были расставлены акценты.

При всем разнообразии ответы на вопросы по этой теме сводились по существу к следующему: жители Банчана придают особое значение тем качествам людей, от которых зависят их отношения с другими людьми. К неприятностям, возникающим при общении, банчанцы относятся сдержанно, как к привычной и неизбежной психологической нагрузке.

Анализ ответов на вопросы, относящиеся к разделу «Чувство беспокойства и реакция на кризисы» (стр. 174—181), приводит автора к заключению, что в беспокоящей ситуации банчанцы будут сохранять внутреннее психическое равновесие.

Далее идет раздел «Агрессивность: причины и реакции» (стр. 184—193). Анализ агрессивности в Банчане сравним, по мнению автора, с анализом «секса» в современной американской культуре, так как категория агрессивности представляет в одно и то же время и наиболее очевидную, и наиболее запутанную область психической жизни банчанцев. Самое очевидное — это то, что жители Банчана не могут переносить открытого проявления враждебности. Они предпочитают скорее не иметь вообще контактов с человеком, чем иметь отношения с оттенком враждебности.

Один житель объяснил Филлипсу, что он и его друг потому любят друг друга, что никогда не имеют разногласий: «Если бы между нами не было согласия, мы не любили бы друг друга». На вопрос Филлипа, неужели друзья не могут иногда расходиться во взглядах, этот человек ответил, что с ним и его другом этого не случается никогда, что это бывает только с пьяницами и курильщиками опиума и что в случае возникновения каких-либо противоречий дружбе пришел бы конец (стр. 185). Этот же крестьянин сказал то же самое и о своих отношениях с женой: «Мы не ссоримся с нею. Если бы мы ссорились, мы должны были бы расстаться» (стр. 185).

Отвергая открытое выражение агрессивности, банчанцы прибегают к косвенным способам излияния злых чувств — например, сплетничанию. Есть и превращенные в ритуал способы выражения враждебности, причем сама их «формализованность» помогает держать враждебность в определенных рамках. Так, всем понятно, устанавливает Филлипс, отчего среди ночи исчезает буйвол, а на следующий день к его владельцу приходит посредник, чтобы договориться о цене за возвращение животного. Все отлично знают также, что означает, если называют собаку именем находящегося поблизости человека. Последний в качестве реванша должен украсть у обидчика лодку и вернуть ее лишь через несколько недель (стр. 186). В редких случаях обращаются к магии, еще реже — к самоубийству с целью причинить боль другому (супругу, например).

По материалам опроса автор пытается установить тенденцию жителей Банчана к обуздыванию, необнаружению агрессивных склонностей. Постоянное стремление к подавлению в себе агрессивности, боязнь стать объектом ее проявления со стороны других свидетельствуют, по мнению Филлипа, о постоянной озабоченности банчанцев не быть застигнутым врасплох проявлением чьей-либо враждебности, потенциальная возможность которой всегда существует.

Только три банчанца выразили готовность открыто ответить на обиду обидой (т. е. выругать тех, кто досаждают им), другие три одобрили такое обращение с обидчиками, но усомнились в своих способностях к этому.

Последний раздел этой главы озаглавлен «Доминантные стремления и желания» (стр. 193—199). Филлипс пишет, что на основании его полевых наблюдений, ему представлялось наиболее частой формой озабоченности банчанцев беспокойство по поводу их взаимоотношений с другими людьми. Однако опросный материал не подтвердил этого и показал, что сами деревенские жители считают наиболее важным стремление к богатству и респектабельности, которые составляют рутину деревенской жизни.

Наиболее желанными, с точки зрения банчанцев, являются практические вещи: деньги, общественное положение, обильная еда. («Мы, люди, родились, чтобы находить, чем наполнить наши рты и желудки», — сказал один банчанец.)

Гораздо меньшее количество информаторов придает первостепенное значение в жизни религии. В целом и в этой сфере психической жизни тайских крестьян наблюдается тенденция к единообразию при незначительных отклонениях от стереотипа.

Итоги работы подведены в заключительной, шестой главе «Уроки из тайской культуры» (стр. 200—208).

Суммируя данные о специфике тайской культуры, содержащиеся в предшествующих главах, Филлипс видит в ней образец социальной системы, которая благополучно функционирует, а члены общества удовлетворительно контактируют друг с другом, несмотря на малую предрасположенность с их стороны к состоянию зависимости и малую потребность в общении.

Филлипс утверждает, что психическая изоляция является нормой для жителей Банчана, что потребность в уединении, свойственная людям вообще, в рамках тайской культуры обострилась благодаря действию ряда факторов (буддийская этика, методы воспитания детей, особенности социального устройства). Это обстоятельство, считает он, свидетельствует о том, что установка на контакты с другими людьми как средство получения индивидом высшего психического удовольствия, присущая людям на Западе, не имеет универсального характера. Филлипс делает вывод, что западное общество допускает большую ошибку, не замечая того громадного психического удовлетворения, которое можно черпать из состояния психической изоляции, открывающего наилучшие возможности для развития заключенного в людях творческого начала: «Разве комитет, семья, племя, соседи написали когда-нибудь симфонию, поэму, даже басню?!», — восклицает он (стр. 207).

Этими рассуждениями завершается монография Филлипса о личности тайского крестьянина. Попытаемся ответить на вопрос, насколько ценным представляется нам исследование Филлипса.

Не подлежит сомнению большое значение изучения этнической психологии как одного из факторов, влияющих на этническое развитие народа, на формирование его культуры.

Начало научного изучения психологии тай Таиланда, которое положено рецензируемой книгой, не может не радовать этнографов и историков, изучающих культуру, быт, историю этого народа, так как оно позволяет приподнять покровы таинственности с некоторых областей их внутренней жизни, в которые до сих пор не удавалось проникнуть взгляду исследователя.

Филлипс посвятил свою работу психологии тайских крестьян, фактически же его исследование касается всех деревенских жителей, так как в число информаторов попали не только крестьяне Банчана, но и монахи, и учителя.

Вызывает недоумение то обстоятельство, что в своей работе, столь очевидно заостренной на этническом своеобразии психики тай, автор проявил некоторую небрежность в отношении этнической принадлежности своих информаторов. Так, он пишет, что обращался с просьбой войти в число опрашиваемых к проживающему в Банчане китайцу, но получил отказ. Он сообщает, что ему не хотелось, чтобы при случайной выборке попало слишком много мусульман, но при этом он не говорит, к какой этнической общности они относятся (стр. 119—120). Хотя и без специального уточнения ясно, что жители Банчана в большинстве своем являются, конечно, тайцами, тем не менее возможна и интонациональная «примесь»; почему автор не сделал даже попытки ее исключить — непонятно. Не ясно также имущественное положение опрашиваемых, хотя изучалось социально-дифференцированное общество.

Монография Филлипса относится к этнопсихологическим исследованиям, широко представленным в современной буржуазной этнографии. Основная цель, которую преследуют этнографы, занимаясь психологическими изысканиями, состоит в выявлении тех особенностей в психике изучаемых ими народов, которые связаны с их этнической принадлежностью и которые в совокупности образуют то, что принято называть «национальным характером». Этнопсихологическая школа исследований культуры и личности в американской этнографии сложилась под влиянием неофрейдистских концепций, сформулированных в работах Э. Сепира и Р. Бенедикт в 1920—1930-х годах, особого расцвета достигла она в годы второй мировой войны². Г. П. Филлипс относится к той части нового поколения американских этнографов, взгляды которых на культуру как производное психики индивидов, их поиски психического начала в социальном выдают их приверженность идеям основоположников этнопсихологической школы. Филлипс критически отзываясь о работах, авторы которых исходят в своих психологических изысканиях из описания общественных институтов, формирующих личность, и оставляют в стороне человеческие индивиды, являющиеся «прибежищем» личности. По его мнению, именно личность (а не семья, монастырь, школа, деревенская община и т. п.) должна быть основным объектом не только психологических, но и этнографических и социологических исследований. Этой установке он и следует в своей работе.

В центре исследования Филлипса стоит индивид, личность тайского крестьянина. Вся его работа подчинена выяснению того, как психика индивидов влияет на общество, однако мало внимания уделено другой стороне вопроса — как общественное развитие влияет на психику личности. Такое исследование, разумеется, также не лишено интереса, так как если, согласно взглядам советских ученых, психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных

² Ю. П. Аверкиева, О некоторых этнопсихологических исследованиях в США, сб. «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 65—66.

внутри и ставших функциями личности и формами ее структуры³, значит изучение личности в конечном счете проливает свет на характер общества, отражающийся в особенностях психического склада его членов. Аспект межличностных связей, избранный Филлипсом в качестве предмета исследования, помогает наглядно представить отношение личности к окружающей ее социальной среде. Однако важно было бы доказать классовую принадлежность изучаемой личности.

Программа исследования, основные пункты которой являются данью стереотипам, сложившимся в американской этнопсихологии (обращение к исследованию состояний агрессивности, склонности к подчинению и зависимости), и интерпретация автором собранного материала вызывают серьезные возражения.

Главный вывод автора — о глубоком индивидуализме тай — представляется явным преувеличением. Сам же он отмечает, что любимое занятие деревенских жителей — беседы друг с другом, которыми они заполняют большую часть своего досуга. Люди, стремящиеся извлечь из общения с ближними максимум удовольствия, naturalmente себя таким образом, чтобы не причинить другим беспокойства, вряд ли заслуживают того, чтобы их называли индивидуалистами. Иное дело — меньшая (чем в западном обществе) степень принуждения со стороны общества по отношению к личности. Она является продуктом своеобразного исторического развития тайского общества, во всей полноте еще не раскрытого историками и этнографами.

На наш взгляд, приведенный Филлипсом материал отнюдь не дает права и для изображения тайских крестьян как людей, одержимых агрессивными чувствами. Для характеристики присущих им качеств напрашиваются другие слова: мягкость и миролюбие, гордость и чувствительность, а отсюда — бескомпромиссность и нетерпимость к обидам и злу, но при этом — сдержанность ради сохранения «хорошего тона», некоторая пассивность.

Автору не свойственна историчность при оценке социальных явлений. Разный «дух», присущий обществу тайскому и американскому, он пытается объяснить разной психикой составляющих общество индивидов, совершенно игнорируя различия в уровне и характере общественного развития американцев и тай. Вместе с тем общество тай представляется на страницах его книги как социально-однородное.

Внимание Филлипа было сосредоточено на наиболее типичных и своеобразных чертах психики тайских крестьян, проявляющихся во взаимоотношениях. Он не ставил целью дать объяснение расхождением в психических установках информаторов — это дело будущих исследований.

Несмотря на отмеченные недостатки, на вопрос Филлипа, обращенный к читателю, — добавляет ли подобный вид исследований новое измерение к традиционному этнографическому подходу, можно ответить утвердительно. Книга Филлипа, безусловно, достойна внимания со стороны тех, кому небезразличны теория и методика этнопсихологических исследований и опыт их конкретного применения, и при критическом к ней отношении может много дать исследователям этнографии тай Таиланда.

Е. В. Иванова

³ Л. С. Выготский, Развитие высших психических функций. М., 1960.

Ichiro Hori. *Folk religion in Japan*. Tokyo, 1968.

Автор рецензируемой книги Итиро Хори — крупнейший авторитет в области истории религии и народных верований Японии. Такие его работы, как двухтомное «Исследование истории японской народной религии» или «Социальная роль религии в Японии»¹, хорошо известны и получили высокую оценку в научной литературе Японии. К сожалению, до последнего времени ученые за пределами этой страны (не считая немногих специалистов) были лишены возможности ознакомиться со взглядами Хори, поскольку, за исключением нескольких небольших статей², ни одна из его работ не была переведена на иностранные языки.

Книга «Народная религия в Японии», в основу которой положены лекции, прочитанные Итиро Хори в Чикагском университете в 1965 г., в известной степени восполняет этот пробел. Это вообще первая книга по данному вопросу на одном из европейских языков. Содержание книги далеко выходит за рамки темы, указанной в ее названии. Практически мы имеем дело с попыткой дать очерк общего развития религии в Японии.

¹ «Вага куни минкан синко си-но-кэнкю», тт. 1, 2, Токио, 1953, 1956; «Нихон сюкё-но саякитэки якувари», Токио, 1963.

² Важнейшая из них: Ichiro Hori, On the concept of Hijiri (Holy Man), «Numen», 1958, № 2, 3.